

Женщина по имени Анека временно исполняла обязанности главы школы Льва. Башенга — настоящий глава, отправился открывать второе отделение где-то на восточных окраинах континента. Эта ситуация была на руку Паркеру. Львы и Коты имели не самое приятное общее прошлое. Если бы Питеру пришлось иметь дело с Башенгой, который скорее всего был одним из участников тех событий, тот скорее всего не согласился бы помогать. Анека же была слишком молода, чтобы иметь прямое отношение к обидам прошлого, и убедить ее было гораздо проще.

Свою лепту вносило и присутствие Шури. Анека была урожденной вакандкой, и даже какое-то время тренировалась, чтобы стать одной из Дора Милаж. После неудачной вылазки она долгое время числилась пропавшей без вести, и в итоге признана погибшей. Причины, по которым она оказалась в школе Льва и почему решила остаться, женщина предпочла оставить при себе. Однако, как и все вакандцы, Анека все еще с глубоким почтением относилась к правящей семье своей страны. Потому настойчивой просьбы принцессы, и доказательств того, что Кравинов открыл охоту на ведьмаков, хватило чтобы убедить ее поделиться информацией.

От Анеки Питер узнал, что Крейвен пришел в школу Льва около шести лет назад и попросился в ученики. В процессе обучения он показал отличные навыки и способность схватывать все на лету. Он легко принял философию Львов, как близкую к кодексу его собственной семьи, но сам оставался достаточно закрытым. После обучения Кравинов стал одним из самых результативных охотников школы, однако за пределы Африки выбираться не спешил, опасаясь столкнуться с ведьмаками своей бывшей школы. Все изменилось около полугода назад. Выполнив очередной заказ, Сергей, вместо того чтобы вернуться, прислал отчет и сообщение, в котором уведомлял что собирается отправиться в путешествие. И с тех пор новостей от него Львы не получали.

Анеке пришлось залезть в архив чтобы сказать, где Крейвен выполнял последний заказ. Получив следующую точку назначения Питер покинул территорию Львов. Шури осталась чтобы поговорить с Анекой, а в качестве проводника с Паркером отправили мастера Кахари — того самого, который учил обращению с копьем. Старая развалюха приветливо мигнула фарами, когда Питер снял ее с сигнализации.

Поселение племени Аяла располагалось недалеко от границы ЮАР и Зимбабве, и представляло собой странный гибрид стереотипной африканской деревни, сошедшей с экранов документалок, и небольшого провинциального городка. Округлые домики с соломенной крышей сконцентрировались в центре деревни, ближе к окраинам перемешиваясь с панельными двухэтажками. Дороги были узкими, в основном пешеходными. Но в отличие от Ваканды, где это было обусловлено развитой системой общественного транспорта, здесь в автомобилях просто не было необходимости.

На окраине деревни располагалась единственная лавка, в которой продавалось практически все, от продуктов до сувениров. Видимо, местные торговали с проезжающими через границу туристами. Возле этой лавки Питер и решил припарковать автомобиль. Выбравшись из машины, он с удовольствием потянулся, разминая затекшие за несколько часов поездки мышцы.

— Повезло, что у этой развалюхи коробка автомат, — поделился Питер со своим спутником.

Тот одарил его вопросительным взглядом. Кахари вообще оказался крайне неразговорчивым. На все попытки Паркера завести разговор во время поездки он отвечал либо короткими хмыканиями, либо не отвечал вообще. Питер решил бы, что мастер немой, если бы не слышал, как он раздает указания ученикам.

— Я до этого машину водил только с тетей на парковках. Была бы тут механика, мы и с места не сдвинулись.

Кахари на это заявление только уже привычно хмыкнул. Они направились к девушке за прилавком. Она, только завидев потенциальных покупателей, мило заулыбалась и приветливо помахала рукой, но, стоило им подойти, мгновенно изменилась в лице. Выдав что-то определенно недоброе на своем языке, девушка закрыла лавку прямо перед их носами и через мгновение выбежала через боковой проход, направляясь к центру деревни.

Ведьмаки переглянулись, пожали плечами и последовали за ней.

Деревня затихла. Звуки бурной жизни, ранее доносившееся оттуда, сменились хлопками дверей и шелестом тканей. Жители прятались по домам. По мере того, как ведьмаки продвигались вглубь деревни, они ощущали на себе недобрые взгляды местных сквозь окна. Однако стоило обернуться, как те мигом задерживали шторы, закрывали створки или скрывались внутри домов.

— А я думал, в США у нас с репутацией трудности, — попытался пошутить Питер.

Из хижины в конце улицы вышел худощавый старик, и неожиданно резвой походкой направился к ведьмакам. Старик был худ и носил окладистую седую бороду, его черное, почти сравнимое по цвету с углем, морщинистое лицо украшал витиеватый узор белых татуировок. Издалека татуировки напоминали тигриные полосы. Одет он был в яркие одежды в основном оранжевых тонов. Приветствовал ведьмаков старик еще издали, гневной тирадой на своем языке.

— Что он говорит? — тихо, в сравнении с речью старика, спросил Питер у Кахари.

— Опуская ругательства, — пробасил мастер, — требует, чтобы мы ушли. Что ведьмаки доставили им достаточно проблем... И еще что-то про кражу...

— Кравинов.

На это утверждение Кахари только кивнул.

— Пока он орет, будет трудно его допрашивать. Попробуй его успокоить.

На успокоение старика, оказавшегося шаманом племени ушло около получаса. В итоге гнев свой он поумерил, но не сказать, что сменил его на милость. Даже узнав, что ведьмак, доставивший проблемы его племени — ренегат, которого Питер и Кахари ищут, чтобы наказать, шаман лишь обвинил их в нерасторопности. То, что он в конце концов согласился поделиться информацией, было чудом, не иначе.

Ведьмаки узнали, что Кравинов — шаман описал его как белого, похожего на гору мяса — действительно выполнил заказ в деревне, но вместо награды выкрал их священную реликвию и скрылся. Рассказывать, какая реликвия была украдена, старик отказался. Но Питер догадывался, что это какой-то, вероятно магический, артефакт, укрепляющий тело носителя. Это объясняло, почему Крейвен смог выдержать удары Паука, нанесенные в полную силу.

Шаман рассказал и о сути заказа. Около года назад, в хижине на отшибе деревни, поселилось нечто. Это нечто по ночам заманивало к себе молодых мужчин и девушек, а на следующее утро их находили сильно истощенными. Жертвы существа не могли вспомнить что с ними произошло, рассказывали только о чувстве бесконечного счастья и эйфории. На утро хижина обычно оказывалась пуста — если только там не обнаруживалась одна из жертв — но вечером в ней снова зажигался свет. Шаман проводил в хижине ритуалы и обряды, но он не знал какую именно сущность должен изгнать, и результатов его действия не дали. Пробовал караулить ночью, однако и из этой затеи ничего не вышло. Со временем все смирились, и просто стали обходить это место стороной. Но ситуация изменилась, когда был найден первый труп. Те же признаки истощения, только намного сильнее — из жертвы как будто выжали все соки. Тогда-то племя и решилось обратиться за помощью к ведьмакам.

— Ты думаешь о том же, о чем и я? — поинтересовался Питер у Кахари.

— Но откуда бы ей тут взяться?

— Они разумны. Могла просто путешествовать и найти себе кормушку, или... А спроси, где находили жертв?

Кахари перевел вопрос Паркера шаману. Тот задумался и назвал несколько мест. Как и предполагал Питер, за исключением убитого, которого оттащили за границу деревни, жертвы оказывались на пути между хижинкой и жилищем шамана. Кахари, судя по тому, как исказилось его лицо, тоже догадался.

— Итак, мы имеем суккубу, охотящуюся на артефакты и имеющую зуб на ведьмаков, — подытожил Питер.

Кахари на это как обычно хмыкнул.

— Думаешь, она околдовала Сергея?

— Это вполне возможно.

От полученной информации Питер испытывал смешанные чувства. С одной стороны, Крейвен все еще оставался убийцей Джоэла и других ведьмаков, и он не был похож на того, кто действовал по принуждению. Питер все еще желал нанести ему летальную справедливость. С другой стороны, если Крейвен околдован, то он лишь очередная жертва суккубы. Но Паркер пока не мог решить для себя, насколько это уменьшает вину охотника.

— Тогда она очень сильна, — прервал его размышления Кахари. — Я знал Сергея в период его обучения. Не скажу, что хорошо, но достаточно чтобы знать — подавить его волю задача непростая.

— И это не вяжется с тем, что первые жертвы не доходили до своей цели.

Кахари кивнул.

— Спрошу его об этом, когда найду. Я узнал достаточно. В Нью-Йорке есть тот, кто поможет мне выйти на суккубу. Но думаю стоит осмотреть хижину, во избежание неприятных сюрпризов.

Как и говорил шаман, хижина ничем не выделялась среди остальных. Запущенность придавала ей долю зловещей атмосферы, но не более того. Такие же соломенная крыша, глиняные стены и пол. Из мебели только кровать и покосившийся, грубо сколоченный стол. Никаких следов постороннего присутствия.

Питер осмотрел все закутки, заглянул в каждую щель, но не смог найти ничего, что могло быть хоть сколько-нибудь полезным. Он уже направлялся к выходу, когда неожиданно остановился. Сделал два шага назад. Топнул ногой. Послышался звук удара каблука о деревянную поверхность. Паркер опустился на четвереньки в том месте, и начал шарить руками по глиняному полу.

На него уставились два взгляда. Понимающий — Кахари. И недоуменный — шамана.

— Может поможете? — обратился к ним Паркер.

Наконец, с помощью Кахари, Питер нашарил петлю и откинул деревянный люк в сторону. В небольшом подвальном помещении царил разгром. Видимо суккуба пыталась замести за собой следы, но не сильно в этом преуспела. Среди перевернутых столов и разбросанной посуды обнаружили и несколько интересных вещей: кусок красного полотна, огарки черной свечи, останки костяного ожерелья. Посреди комнаты обнаружилось небольшое кострище, с кусочками не до конца прогоревших бумаг. На стенах было несколько полустертых узоров. Питер узнал некоторые из символов, похожие использовал мастер Драм — прошлый хранитель Нью-Йоркского Санктум Санкторума.

— А наша суккуба еще и колдует, — сообщил Паркер. — Вуду, если не ошибаюсь. Хотя иллюзия на входе была достаточно красноречива.

Мастер Кахари поставил на место один из столов, извлек из-под него лист плотной бумаги и показал Питеру. На листе оказался карандашный набросок женщины с азиатскими чертами лица, и гривой пышных, немного вьющихся волос. Подпись в углу рисунка гласила: «Калипсо».

— Сергей немного увлекался рисованием, — сообщил Кахари.

— Рад за него, — саркастично отозвался Паркер. — Но рисунок я все же заберу.

<http://tl.rulate.ru/book/101185/3725126>